

ентированная сексуальность и ее символизация (прежде всего в пространстве массовых коммуникаций) становятся заменой гендерных стратегий. Гендер отменяется как явление, сексуальность приобретает недифференцированный постсоциальный характер.

Вот этот тезис об «исчезновении пола» перекликается с пророчеством-метафорой Мишеля Фуко (которым он заканчивает свою книгу «Слова и вещи») об «исчезновении человека» (здесь имеется в виду не исчезновение человека как биологического вида, в этом качестве мы еще некоторое время, возможно, просуществуем, а как носителя высоты духа и свободы воли – того, что «делает человека человеком»): «Человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке...» [8].

Общество постмодерна, каким описывают его крупнейшие социальные мыслители XX века, принадлежит к настоящему только отчасти, оно реализовано лишь фрагментарно. В значительной степени это апокалипсические *предчувствия*, описания того, к чему однажды могут привести те социальные процессы, которые сегодня уже запущены (и инструментально, технологически реализуются через систему массовых коммуникаций) и развиваются по инерции по своим траекториям.

Литература

1. Сорокин П. Система социологии. - М., 2008.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
3. Дугин А. Социология воображения. – М., 2010.
4. Дугин А. Постфилософия. - М., 2009.
5. Черных А. Мир современных медиа. - М., 2007.
6. Бурдые П. О телевидении и журналистике. - М., 2002.
7. Бодрийар Ж. Общество потребления. – М., 2006.
8. Фуко М. Слова и вещи. – СПб., 1994.

А. Ш. Крупеникова¹

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И МОРАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ ЭМОЦИЙ (БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

С самого начала становления социологии как самостоятельной обществоведческой дисциплины тематика солидарности имела все основания претендовать на статус одного из важнейших направлений социологических ис-

¹ **Крупеникова Лейла Шамильевна**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета.

следований. Достаточно вспомнить, какое внимание уделял этой проблеме один из основателей социологии Эмиль Дюркгейм. По его мнению, именно солидарность, в конечном счете, делает общество обществом. Именно она выступает необходимым условием любых социальных трансформаций и изменений. Именно социальная солидарность является одним из главных проблем социальной динамики и социального развития [1].

Согласно Дюркгейму, главной проблемой современных обществ является проблема консенсуса, а консенсус укрепляет общие верования и чувства. Собственно говоря, без консенсуса общество просто не может сохраниться и существовать. Именно консенсус определяет наличие общих правил, запретов и поощрение, коллективных ценностей и идеалов, объектов поклонения и осуждения. Все это привязывает индивида к коллективному целому [2].

В трудах Огюста Конта понятие социальной солидарности встречается постоянно, когда он пишет о социальном порядке, рассуждая об иерархической структуре общества, о социальной статике и социальной динамике. Социальная статика, в сущности, сводится к изучению того, что Конт называет «общественным консенсусом» [3].

Социальная статика представляет собой анатомический анализ структуры общества в конкретный момент, а также анализ элементов, которые определяют консенсус, то есть превращают совокупность индивидов или семей в коллектив, создают единство из множества институтов. Разделение труда в обществе выступает одним из главных факторов социального порядка, способствуя возникновению общих идей, интересов, эмоциональных и моральных связей. Общие идеи опираются на общие чувства и социальные институты, а люди, по мнению Конта, не движимы ничем иным, кроме своих чувств [3].

Подобные идеи мы можем найти и у Питирима Сорокина. Так, в рамках его интегрализма солидарность предстает как позитивный модус взаимоотношений индивидов, предполагающий созвучность установок и поведения взаимодействующих участников, когда они взаимно помогают друг другу в достижении своих целей [4]. Антитезой солидарности в этом случае становятся «антагонистическое взаимодействие» и «принудительные социальные связи».

Следует отметить, что социологический анализ социальных причин солидарности и антагонизма, будучи теоретически спроецирован на макроуровень различных социальных взаимодействий, может, согласно П. Сорокину, внести существенный вклад в устранение войн, преодоление преступности, различных форм угнетения и неравенства [4].

Проблематике социальной солидарности уделял большое внимание и такой исследователь как Толкотт Парсонс. Он рассматривал в солидарности проявление объективированного характера, как и в социальной системе вообще, но в то же время рассматривал солидарность как предельно динамичный процесс, выступающий важнейшим условием стабильности и воспроизводства социальной системы [5].

Следует отметить, что в целом в социологии второй половины XX - начала XXI века социальная солидарность рассматривалась преимущественно в специализированных аспектах, и основное внимание исследователей было сфокусировано на отношениях солидарности внутри отдельных групп. Лишь в последнее время начали предприниматься попытки вернуться к более комплексному рассмотрению феномена социальной солидарности [6].

Например, как отмечают современные исследователи, в рамках Американской социологической ассоциации в августе 2011 году был сформирован новый исследовательский комитет по изучению социальной солидарности, морали и альтруизма [7; 8; 9; 10].

В России тема солидарности стала одной из основных для социальных наук начиная со второй половины XIX столетия. Причем здесь обозначились два направления – собственно социологическое и религиозно-философское (т.е. рассмотрение солидарности как соборности). Важнейший вклад в исследования солидарности внесли М. А. Бакунин, П. А. Лавров, А. И. Мечников, П. А. Кропоткин, Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский, П. А. Сорокин и др. [7]. В исследовании социальной солидарности следует отметить и П. Штомпку [11], который реконструировал это понятие в ситуации кризиса или социальной травмы.

Социальная солидарность принадлежит к тем феноменам общественной жизни, которые изучаются в рамках социальной психологии преимущественно в своих конкретных проявлениях. Соответственно этому, в социально-психологической литературе можно обнаружить немало теоретических соображений и еще больше эмпирических исследований, посвященных групповой сплоченности и согласию, интеграции и кооперации, эмпатии и симпатии, альтруизму и прочим формам просоциального поведения. Все эти явления и процессы имеют самое непосредственное отношение к формированию того социального состояния, которое со времен Дюркгейма принято называть социальной солидарностью.

Интересные результаты получены в исследованиях Л.Мольм. Главным объектом научных интересов Л.Мольм выступает феномен взаимности как катализатор социальной солидарности в межличностных и межгрупповых отношениях, где взаимность трактуется как конечный результат специфически структурированного обмена типами социальной деятельности и ее продуктами между диадическими и сетевыми партнерами [12; 13]. Описывая структуры взаимности в пространстве обменных актов, Л.Мольм формулирует следующие положения:

а) взаимность структурирована; это значит, что она не является только нормой или только процессом, но обладает способностью к трансформации в пределах обменных действий; иными словами, отношения взаимности вариативны;

б) структура взаимности определяет фундаментальные различия форм социального обмена – не только с точки зрения характера обменных действий или их трансформации в зависимости от властных потенциалов акторов, но, главным образом, в качестве фактора формирования социальной солидарности;

в) измерения взаимности обуславливают дифференциацию социальных обменов и их неоднозначную роль в качестве фактора социального единения посредством редуцирования - акцентирования рисков, неопределенности и конфликта в ходе обменных акций [12; 13].

В зависимости от направленности взаимных акций, Л.Мольм формулирует следующие базовые формы отношений социального обмена: прямой договорный обмен; прямой взаимный обмен; непрямо́й – опосредованный, или генерализованный, обмен.

Это направление исследований можно назвать эмпирическим изучением социальных обменов, которое показало следующее:

А) участники взаимных обменов демонстрируют большее аффективное расположение и приверженность партнеру, чем субъекты договорных обменных акций;

Б) поведенческие акты, которые подтверждают доверительность отношений между партнерами, в большей степени характерны для реципрокных, чем для договорных обменов; субъекты последних, как правило, ограничиваются поведенческой лояльностью в отношении партнера, не обременяя себя эмоциональными контактами;

В) несмотря на то, что договорные обмены, на первый взгляд, отличаются большим «процедурным равенством», чем односторонние взаимные обмены, субъекты последних чаще оценивают отношение к ним партнера как «справедливое», чем участники договорных акций (независимо от фактического, или объективного равенства обменной сделки); более того, участники реципрокных обменов скорее соглашались на новую заведомо неравную сделку с теми же партнерами в будущем, чем субъекты обменов договорного типа;

Г) генерализованные (опосредованные) реципрокные обмены продуцируют более тесные интегрирующие связи между участниками, чем любая из форм прямого обмена (договорная или взаимная);

Д) перечисленные следствия взаимных обменных отношений проявляют себя независимо от тех или иных (поведенческих, ценностных, ресурсосодержащих, исторических) аспектов обменных действий и представляют собой исключительный продукт опыта обмена (его восприятия и переживания) в контексте различных структур взаимности, а также значимости такого опыта с точки зрения вероятных интегрирующих связей в будущем» [12; 123-124].

При этом были выделены три типа каузальных социально-психологических механизмов, обеспечивающих трансформацию обменных действий определенной структуры в отношения эмоциональной и социальной интеграции и

солидарности. Это механизмы, связанные с риском обменных операций, с экспрессивной (символической) ценностью самого акта реципрокности как свободного волеизъявления участников и с редуцированием либо обнаружением конфликтных / кооперативных аспектов обменных действий.

«Два первых обеспечивают непосредственное структурное воздействие взаимности на социальную солидарность; третий реализует себя благодаря вмешательству в когнитивные структуры акторов, опосредуя их восприятие пространства обменных отношений в качестве конфликтного либо кооперативного» [12].

Соответственно, согласно данной модели, обмены, характеризующиеся непрямой взаимностью и однонаправленной благотворительностью, т.е. генерализованные реципрокные обменные акты, обладают наиболее сильным интегрирующим эффектом благодаря увеличению степени риска обменных акций, повышению уровня их символической ценности и камуфлированию неизбежных конфликтных параметров обменных отношений.

Интегрирующее влияние структуры взаимности, продолжает Мольм, не исчерпывается межличностными контактами акторов, как до недавнего времени считали социальные аналитики; оно охватывает также отношения в рамках организаций и сообществ [13].

Современные исследователи [7; 8; 9; 10] отмечают, что начиная с классических работ М. Грановеттера [14; 15], понятие социальной солидарности является, с одной стороны, не абстрактным философским понятием, а с другой, – не сводится только лишь к конкретным личностно-психологическим характеристикам и параметрам.

Это понятие вплетено в разные формы социального обмена: в политический обмен, в экономический обмен, шире – в социальный обмен. Наиболее продуктивно и результативно понятие социальной солидарности используется при анализе такой социальной ячейки как социальная организация, где социальный обмен предметен и результативен.

В литературе по организационной социологии накоплен обширный материал, свидетельствующий о том, что поведенческие паттерны в различных организационных условиях (промышленные и бизнес-структуры, союзы, объединения, профессиональные и прочие сообщества) находят убедительное объяснение посредством понятия «обобщенная взаимность».

Как отмечает О.А. Симонова [8], совокупным результатом организационных сетей и сетей генерализованных обменов оказываются такие социально-значимые процессы, как снижение психологической стоимости транзакций, увеличение амплитуды обобщенного знания, ускорение темпов принятия решений, развитие самых разных форм взаимопомощи и поддержки. Причём, большинство этих процессов имплицитно либо открыто способствуют формированию аффективных связей и социального доверия внутри организационных сетей.

Теоретики организационной социологии традиционно объясняют происходящее как следствие личных отношений акторов, в крайнем случае – как продукт истории их интеракций (в диадических союзах, семье, малой группе) [7; 8; 9; 10] .

Изучение социальной солидарности в организационной психологии во многом основано на исследовании социальных эмоций. Исследования показали, что вполне уместно ставить вопрос не только о психологии эмоций, но и о социологии эмоций. Данное направление ориентируется на исследование социальных эмоций как факторов социального обмена у представителей разных социальных групп.

Подобные исследования распространяются и на изучение социальных эмоций на уровне социальных институтов, социальных организаций и социальных движений. На уровне исследований такого рода реализуются социометрические концепции социальных эмоций. Многие социологические концепции эмоций (например, Т. Шеффа, С. Шотта, Р. Коллинза, Э. Саммерс-Эффлера) напрямую затрагивают моральные эмоции и стратегии управления личностной идентичностью.

Современные исследователи подчеркивают, что в ходе анализа социальной солидарности возникают закономерные вопросы: совпадают ли понятия социального порядка и социальной солидарности, возможно ли первое без второго? В разряд понятий, синонимичных солидарности, входят следующие: социальный порядок, социальная организация, социальный консенсус, социальная интеграция, кооперация, сотрудничество и многие другие.

Сопоставление этих терминов показывает, что понятие социальной интеграции, отражающее функциональную взаимозависимость элементов социальной системы, понятие социальной организации, подразумевающее иерархическую структуру управления, понятия кооперации и сотрудничества, указывающие на поведенческие аспекты солидарного поведения, недостаточны для понимания природы и генезиса социальной солидарности.

Согласно К.Урсуленко [16], социальная солидарность как на микро- (индивидуальном и внутригрупповом), так и на макроуровне социального организма в первую очередь предполагает соблюдение установленных правил и веру в определенные социальные ценности, в каких бы поведенческих образцах или сценариях эта приверженность не выражалась.

Как подчеркивает С.Ю. Барсукова [17], социальная солидарность держится не только на идеях, внешнем принуждении, взаимной зависимости, прагматически ориентированном поведении, но также на общеразделяемых коллективных и индивидуальных чувствах (эмоциях), типическим образом возникающих в рамках данного социального целого. Поэтому теоретико-методологическое решение проблемы солидарности неотделимо от исследования эмоционального измерения человеческого поведения.

Именно с социологическим изучением эмоций, как типичных внутренних состояний индивидов в процессе социального взаимодействия и социального обмена и в связи с процессами, протекающими в структуре личностной идентичности, связаны методологические стратегии преодоления аналитического разделения общества на микро- и макроуровень и объяснения связи отдельных индивидов с социальной структурой [17].

Дж. Барбалет [18] отмечает, что «эмоция – необходимое связующее звено между социальной структурой и социальным актором, без нее описание действия будет фрагментарным и неполным».

Как считает О.А.Симонова [8], эмоции в социологии обычно рассматриваются на так называемом микроуровне, но, как свидетельствуют результаты, в самом исследовании эмоций данное аналитическое разделение перестает быть актуальным. Посредством жизненного опыта и коллективных представлений эмоциональные состояния тесно связаны с макроуровнем социальной организации. Таким образом, отмечает указанный автор, понятие социальной солидарности необходимо рассматривать как включающее в себя эмоции. В этой связи можно поставить следующий исследовательский вопрос: какие конкретно эмоции — коллективные или индивидуальные, какой интенсивности, длительности и степени осознания — имеют непосредственное отношение к социальной солидарности, поддерживают ее в группах и обществе в целом, либо ее разрушают?

Известно, что эмоции обладают побудительной, мотивирующей силой действия. Каждая из существующих эмоций может мотивировать индивидов на восстановление социального порядка и оживление социальной солидарности — за исключением тех случаев, когда интенсивные эмоции сами их разрушают либо ослабляют. Эмоции, как отмечают Дж.Тернер и Дж. Стетс [19], как позитивные, так и негативные, способствуют социальной солидарности и, одновременно, социальным изменениям (например, ресентимент, порождающий гнев, зависть, враждебность и приобретающий коллективный характер, побуждает к возникновению социальных движений).

Эмоции рождают готовность защищать эти ценности, совершать ради них поступки, опасные для жизни, сдерживать во имя моральных ценностей свои личные побуждения, осуществлять взаимопомощь, сотрудничать, осознанно участвовать в кооперации. Как писал в связи с этим Дж. Александер, многие знаки и вещи отсылают к закрепленным в данной культуре «вещам-идеям-верованиям-чувствам» и поэтому вызывают сильные чувства [6].

Теории подобного рода можно подразделить на несколько групп. Прежде всего, это концепции, которые Дж. Тернер и Я. Стетс относят к разряду культурных и ритуальных (Р. Коллинз, Э. Саммерс-Эффлер, А. Хохшильд, П. Туа). Проблема солидарности напрямую исследуется также в эволюционных теориях эмоций (В. Вентворт, М. Хаммонд, Дж. Тернер) [8].

Сюда относятся и теории, возникшие в лоне других традиций, но поставившие во главу угла моральные эмоции — гордость, чувство стыда, чувство вины, симпатию, эмпатию, презрение, гнев; это теории С. Шотт, Т. Шеффа, Дж. Тернера. Я. Стетс и др. Остановимся на принципиально важных моментах таких теорий, а именно — на понятиях, которые раскрывают роль эмоций в поддержании (и, возможно, разрушении либо ослаблении) социального порядка и социальной солидарности [8].

В контексте социологического знания, эмоции, как отмечает Р.Плучик, рассматриваются как сложные явления, включающие следующие элементы: 1) нейрофизиологическую реакцию; 2) социально сконструированные определения; 3) лингвистические обозначения, типичные для данной культуры; 4) способы телесного выражения — лицом, голосом, жестами; 5) восприятие и оценка объектов или событий [19].

Подчеркнём, что эти элементы не говорят о том, какова природа эмоций, но объединяют практически все аспекты, подлежащие анализу в большинстве социологических концепций эмоций, фокусом которых выступает связь между их телесными проявлениями, процессами сознания и социальными и культурными структурами. Таким образом, в контексте социологического рассмотрения эмоции предстают как культурно сконструированные суждения, как аспекты систем культурных значений, используемых людьми для понимания ситуаций, в которых они оказываются.

Эмоции также трактуются как способы выражения индивидуальных чувств, действий, оценок и мнений посредством физиологических реакций, поэтому данный феномен можно понимать и как «принятие роли эмоций». Более того, они выступают как средства осознания отношения индивидов к миру, как энергетический источник действия. Поэтому эмоции, с точки зрения социологии, можно рассматривать не как внутренние состояния, а как действия, направленные на достижение социальных и культурных целей [19].

Эту позицию разделяют Т. Кемпер, Дж. Тернер и Р. Тамм, по мнению которых первичные эмоции имеют эволюционное значение для выживания и появляются на ранних стадиях человеческого развития. Вторичные эмоции, по Кемперу, социально сконструированы и возникают в контексте переживания одной или более эмоций из разряда первичных (например, чувство вины возникает на базе страха). Тернер, квалифицируя вторичные эмоции как сложные сочетания первичных, тем не менее стремится обосновать их эволюционную роль [19; 20].

Понятие коллективных эмоций означает здесь эмоциональные состояния, как пишет Дж. Барбалет [18], разделяемые внутри группы. Понятие «солидарность» занимает центральное место в теории Р.Коллинза, который считает ее фундаментальным социальным элементом, объединяющим общество; источником же солидарности выступают ритуалы взаимодействия («интерактивные ритуалы»).

Социальная солидарность, с одной стороны, создается на микроуровне, с другой — имеет последствия для макроуровня социального порядка. Задаваясь вопросом о том, что сплачивает общество как паттерн стратифицированных и конфликтующих групп, Р. Коллинз [20] утверждает, что таким фактором служит солидарность, которая базируется на «социальных ритуалах, формирующих солидарность внутри этих групп».

Главная идея Р.Коллинза состоит в том, что социальные структуры полностью создаются и поддерживаются такого рода ритуалами и ритуальными цепями. Эмоциональная энергия может меняться и становиться негативной либо позитивной. Позитивная эмоциональная энергия приводит к возникновению чувства групповой солидарности: индивиды стремятся максимизировать эту энергию, или чувство энтузиазма, и избежать ситуаций, где вероятен эмоциональный негатив [8; 20].

Использование позитивных коллективных эмоций, как отмечает П.Бюрк [21], лежит в основе того, что многие исследователи называют моральной идентичностью. Многие теоретики используют понятие «моральной идентичности» или «морального Я» (moral self) для объяснения и описания соответствующих моральных эмоций. Соответственно этому: 1. Нравственная самоидентификация является регулятором поведения и определяет мотивы человека. 2. Свойства личности тесно связаны с внутренним выбором нравственных ориентиров [8; 21].

Моральная идентичность — это не групповая, не корпоративная идентичность, и она не имеет никакого отношения к корпоративной морали. Это мораль персональная, личностная. Можно сказать так: моральная идентичность (как персональная идентичность) есть выражение тождества личности. Можно выделить несколько основных смыслов персональной идентичности: житейский (в западной культуре) и научный термин, означающий: 1) тождество «я» (сознания, разума), осознание личностью единства своего сознания в разное время и в разных местах; 2) сохранение постоянного или продолжающегося единства деятельности (персоны, индивидуальности, характера) в ходе изменения деятельности или поведения.

Это предполагает, как пишет Л.Ф.Новицкая [22], следующее: а) существование памяти; б) способность идентифицировать себя (свою самость); в) способность никогда не утрачивать знание, что случившееся произошло или происходит именно с тобой. Существо проблемы персональной идентичности может быть сформулировано в виде дилеммы: личность должна быть тождественна себе, иначе нечему будет удерживать воедино ее восприятия и поступки; личность не должна быть тождественна себе, иначе невозможны ее саморазвитие и отклик на изменяющуюся реальность. Проблема нравственной самоидентификации может быть сформулирована таким образом: человеком в его самоактуализации правит прежде всего образ самого себя. Образ самого

себя и реальный человек могут быть чрезвычайно далеки друг от друга, временами — даже оппозиционны.

В формировании этого образа включается образ действительности. А именно то, что понимается под действительностью, проблема познания действительности, а также проблема самопознания, проблема эмоционального самочувствия и проблемы нравственной саморефлексии. Здесь важной является, конечно, и проблема менталитета эпохи. Именно менталитет эпохи воздействуют на человека в плане его нравственной самоидентификации.

Современный человек находится в амбивалентной ситуации одновременного присутствия в перевоплощении в «иные, чужие судьбы и роли» и в то же время в необходимости «отъединиться от всех других... быть наиболее самобытным, постоянно сосредоточиваться на своем начале, отталкиваясь к той точке или к той грани, где хаос и космос, стихия и гармония непосредственно соприкасаются, событийствуют друг с другом [23].

Что характерно для нравственного самообретения: не просто свобода решения, свобода нравственного самоопределения, но свобода, обретенная внутри противоречивого, содержащего взаимоисключающие интенции узла разнообразных нравственных направленностей.

Анализ показал, что исследование социальной солидарности как на микро- (индивидуальном и внутригрупповом), так и на макроуровне связана с социологическим изучением различных сценариев человеческого поведения, в том числе принятия и одобрения некоторых ценностей и правил. В контексте социально-группового поведения это выводит на исследование социальных эмоций, что формирует предметное поле социологии эмоций, трактующей эмоции не только как нейрофизиологические реакции актора действия, но и как социальные конструкты (слова, смысловые индикаторы действий, модели поведения, понятия), эксплицирующие форматы группового сплочения.

В разряд социальных конструктов подобного рода входят конструкты партнерства, солидарности, сплочения и такие их составляющие как социальный порядок, социальная организация, социальный консенсус, социальная интеграция, кооперация, сотрудничество и другие.

Проблемные исследования в этой области выводят на изучение социальных эмоций на уровне социальных институтов, социальных, организаций и социальных движений. Соответственно этому, позитивные коллективные эмоции, способствующие сплочению и солидаризации, являются основой формулирования такого социального конструкта как моральная идентичность, а именно, самоидентификация индивида с теми членами социальной группы, которые разделяют определенные моральные и нравственные убеждения и ценности. А это открывает совершенно новый пласт социологических исследований в области изучения регулятивов социального поведения.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. - М.: Наука, 1991.
2. Арон Р. Этапы социологической мысли / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс - Политика, 1993.
3. Гофман А. Б. Классическое и современное. Этюды по истории и теории социологии. – М.: «Наука», 2003.
4. Sorokin P.A. Society, culture, and personality: Their structure and dynamics: A system of general sociology. – N.Y.: Harper & bros, 1947.
5. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994.
6. Alexander J. The civil sphere. – Oxford – NY: Oxford university press, 2006.
7. Ефременко Д.В. Многоликая солидарность // Социологический ежегодник. 2011. – М.: ИНИОН РАН, 2011.
8. Симонова О.А. Современная социология эмоций и проблема социальной солидарности: Основные направления исследований. // Социологический ежегодник. 2011. – М.: ИНИОН РАН, 2011.
9. Якимова Е.В. Социальная солидарность в ракурсе западной социальной психологии // Социологический ежегодник. 2011. – М.: ИНИОН РАН, 2011.
10. Усачева О.А. Формирование гражданских сетей солидарности в условиях экологической катастрофы // Социологический ежегодник. 2011. – М.: ИНИОН РАН, 2011.
11. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6-16.
12. Molm L.D. The structure of reciprocity // Social psychology quarterly. – Wash., 2010. – Vol. 73, N2. – P. 119-131.
13. Molm L.D., Collet J.L., Schaefer D.R. Building solidarity through generalized exchange: A theory of reciprocity // American journ. of sociology. – 2007. – Vol. 113, N 1. – P. 211.
14. Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – № 1. – Т. 7. – С. 76–89.
15. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. – 2002. – №3. – Т. 3. С. 44–58.
16. Урсуленко К. Социальная солидарность: развитие понятия в истории социологии и современные интерпретации // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2009. – №1. С. 151-155.

17. Барсукова С.Ю. Солидарность участников неформальной экономики (на примере стратегий мигрантов и предпринимателей) // Социс, 2002. № 4. С. 3.
18. Barbalet J. M. Emotion, social theory and social structure: A macrosociological approach. - Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. – P. 27.
19. Turner J. H., Stets J.E. The sociology of emotions. Cambridge: Cambridge univ. press, 2005.
20. Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии, 2004. – Том VII, № 1. – С. 34.
21. Burke P. J. Identity processes and social stress // American Sociological Review. - Washington, DC: American Sociological Association, 1991. – N. 56. – P. 836-849.
22. Новицкая Л.Ф. Нравственная самоидентификация личности как проблема Вестник Новгородского государственного университета. 2001. № 18. С. 46-54.
23. Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность (Философские раздумья о современных проблемах) // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. М.: Политиздат, 1990. – С.34.